Робинзон Кузо

и мачты, которые растут изо льда

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и мачты, которые растут изо льда

«Автор»
2026

Шешуков А.

Робинзон Кузо и мачты, которые растут изо льда / А. Шешуков — «Автор», 2026

Когда звёзды на севере гаснут одна за другой, а компас начинает кружиться, галеон Барсура оказывается среди льдов. Кузо помнит загадочные слова: «Ищи там, где мачты растут изо льда». Что скрывается за этим предсказанием и как помочь друзьям, когда путь домой исчезает в темноте? Впереди — морозный лес, ворон с чужими голосами и встреча, которая изменит путешествие.

© Шешуков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звёзды гаснут по одной 5
Глава 2. Держись мачты 7
Глава 3. Тишина, в которой слышно сердце 9
Глава 4. Шесть пеньков 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и мачты, которые растут изо льда

Глава 1. Звёзды гаснут по одной

Чем дальше галеон уходил на север, тем короче становились дни. Сначала это было почти незаметно: солнце вставало чуть позже, садилось чуть раньше. А потом однажды утром Кузо вышел на палубу, а утра не было. Было серое, сонное небо, и солнце висело низко над морем, будто ему лень подниматься.

— Север, — сказал старый кот-капитан Барсур и больше ничего не сказал.

Холод пришёл вместе с короткими днями. Он забирался под курточку, щипал за нос и прятался в медных пуговицах: тронешь пуговицу лапой — а она ледяная, как сосулька. Кузо намотал красный шарф в два оборота, потом в три. На четвёртый шарфа не хватило.

Барсук Брамс, корабельный кок, по такому случаю открыл банку брусничного варенья, подаренную на острове Перина.

— Морс, — объявил он, ставя на стол четыре дымящиеся кружки. — Горячий. Кислый. Красный. Как ваши носы.

Пустую банку барсук вымыл, вытер и спрятал в сундук под койкой.

— Банку вернуть, — сказал он строго, точь-в-точь как старый ёж, который её дарил. — Обещал.

Мышка Пуговка грела лапки о кружку и смотрела в блокнот. Там много дней стоял один и тот же вопрос дня: «Почему лёд бывает такой прочный, что на нём можно стоять?»

— Я, кажется, поняла, — сказала она вдруг. — Брамс, помнишь, вчера ты оставил на палубе кувшин с водой?

— Помню, — вздохнул Брамс. — Утром он был с трещиной. Хороший был кувшин.

— Его разорвал лёд. Вода, когда замерзает, становится больше. Растёт. Ей становится тесно, и она толкается во все стороны. Поэтому кувшин и лопнул.

— Нахальная какая, — сказал Брамс.

— А раз лёд больше, чем была вода, значит, он легче. Поэтому плавает. А толстый держит, как пол.

Мышка опустила в ведро с водой кусочек льда, которым Брамс остужал ей морс. Льдинка покачалась и улеглась: под водой большая и прозрачная, а сверху — крошечный уголок.

К вечеру они увидели первую настоящую льдину. Это была целая гора, белая с голубыми прожилками, и она медленно плыла мимо, будто важный старый корабль.

— Айсберг, — сказала Пуговка шёпотом. — Если над водой у него вот столько, то под водой — в девять раз больше.

Кузо посмотрел на тёмную воду рядом с айсбергом и поёжился. Где-то там, внизу, пряталась огромная белая гора. А сверху — будто ничего и нет.

Барсур повернул штурвал и взял от айсберга подальше.

В тот вечер на рею седьмой мачты сел ворон.

Он был такой чёрный, что даже отливал синим, как чернила. Клюв у него был толстый и чуть кривой. Ворон посидел, повертел головой и уставился прямо на Кузо одним глазом. Глаз блестел, как мокрая бусина.

— Кыш! — сказал Барсур снизу.

— Кыш! — ответил ворон.

Голосом Барсура. Тем же сухим, хрипловатым, недовольным.

Брамс так и сел на бухту каната. Пуговка уронила карандаш. Барсур медленно поднял голову.

— Он что, меня передразнивает?

— Пер-р-редр-р-разнивает! — сообщил ворон уже своим голосом, хриплым и раскатистым, и вдруг сказал очень отчётливо: — Звёзды гаснут — гляди вниз.

Потом расправил крылья, широкие, как два чёрных плаща, и улетел на север. Туда же, куда шёл галеон.

— Что это было? — спросил Кузо.

— Птица, — ответил Барсур. — Вороны умные. Умнее, чем хотелось бы.

— А что значит «звёзды гаснут — гляди вниз»?

— Ничего не значит. Ворон каркнул.

Но Кузо видел, как капитан ещё долго смотрел туда, где исчезла чёрная птица.

Перед сном Кузо, как всегда, вышел на палубу считать мачты.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Семь.

Он подошёл к седьмой и коснулся старой зарубки на уровне своего носа. Раньше он её не замечал, а теперь трогал каждый вечер. Зарубка была маленькая, неглубокая и такая старая, что края у неё совсем сгладились. Кто-то когда-то провёл здесь ножом или когтем. Зачем?

«Ищи там, где мачты растут изо льда», — вспомнил Кузо записку Бабушки Муки, енотихи-пророчицы из сна на острове Перина. Записка во сне и осталась, но слова он помнил наизусть.

Над морем зажглись звёзды. На севере они были крупные и колючие, как соль. Кузо нашёл ту, на которую Барсур всегда щурился, когда держал курс. Не самая яркая, зато всегда на месте: на севере, высоко.

И тут она погасла.

Не спряталась за облаком — облаков не было. Просто была, а потом нет. Как будто кто-то дунул на свечку.

Кузо протёр глаза. Рядом погасла ещё одна. Потом ещё.

— Барсур! — крикнул он.

Капитан уже стоял рядом. Звёзды гасли одна за другой, спокойно, по очереди, и небо становилось чёрным, как ворон.

— Пуговка, компас, — сказал Барсур.

Мышка принесла компас. Стрелка в нём дрожала, потом закружилась, как волчок, и не могла остановиться.

— Так не бывает, — прошептала Пуговка.

Барсур помолчал. А потом заговорил. Длинно.

— Брамс, туши на камбузе огонь, проверь, чтобы ничего не упало. Пуговка, фонарь в чехол и к себе. Кузо, неси все одеяла, какие найдёшь, в кают-компанию. Ход убавим. Пойдём медленно, будем слушать воду, раз не видим неба. И никто не стоит у борта один. Слышите? Никто.

Кузо побежал за одеялами. Сердце у него колотилось. Тревожиться стоило тогда, когда Барсур начинал говорить длинными предложениями.

Когда он вернулся, на небе не осталось ни одной звезды. Он вспомнил слова ворона и посмотрел вниз, за борт.

Вода была чёрная. А в ней, совсем близко, поднималось что-то белое.

Глава 2. Держись мачты

Белое поднималось из воды медленно, как спина огромного кита. Только это был не кит. Это был лёд — неровный, острый, с зубцами наверху. Рядом поднялся второй зубец, за ним третий. Они росли из тёмной воды, словно у моря выросли зубы.

— Право руля! — крикнул Барсур и сам налёг на штурвал.

Галеон заскрипел и стал поворачивать. Медленно. Слишком медленно. Большой корабль не может повернуть, как лодочка: он тяжёлый, ему нужно время.

Кузо стоял посреди палубы с охапкой одеял и не мог пошевелиться. Брамс выскочил из люка, увидел зубцы и сказал только:

— Ох ты ж, кастрюля.

Пуговка вцепилась барсуку в рукав.

Первый зубец прошёл мимо. Кузо видел его так близко, что мог бы потрогать лапой: гладкий, голубоватый, мокрый. От него тянуло холодом, как из погреба. Второй зубец тоже прошёл мимо. Барсур выдохнул.

А третий поднялся прямо под носом.

Удар был не громкий. Громким был треск, который пришёл после. Будто огромное дерево ломалось где-то внутри корабля, медленно и долго. Палубу качнуло. Одеяла разлетелись. Кузо упал и покатился по доскам, как клубок, — вниз, туда, куда накренился галеон.

Он катился и пытался зацепиться когтями, но когти скользили. Посох вырвался из лапы, стукнулся о поручень и пропал за бортом. Кузо даже не успел крикнуть.

Его остановила мачта. Седьмая. Он врезался в неё боком, обхватил всеми четырьмя лапами и прижался щекой к холодному просмолённому дереву.

— Кузо! — Это был голос Барсура. — Где ты?

— Тут! У седьмой!

Галеон снова дрогнул. Под лапами у Кузо что-то хрустнуло: не палуба, а сама мачта, у основания. Она качнулась и медленно, как во сне, начала клониться за борт, к чёрной воде. И Кузо вместе с ней.

Он мог бы отпустить её и спрыгнуть на палубу. Наверное, мог бы. Но палуба была наклонная, скользкая, и прыгать было некуда. А мачта была твёрдая, тёплая от его лап и родная.

— Держись мачты! — закричал Барсур откуда-то сверху. Так громко Кузо никогда его не слышал. — Слышишь?! Держись мачты!

Это было последнее, что он услышал с галеона.

Мачта упала в воду.

Кузо никогда не любил воду. Ни один кот её не любит. Вода мокрая, холодная, она забирается в шерсть и делает тебя тяжёлым и смешным. Но эта вода была не просто холодная. Она была такая холодная, что сначала показалась горячей. Она обожгла уши, нос, лапы. У Кузо перехватило дыхание, и он только открывал рот, как рыба.

Мачта ушла под воду вместе с ним и тут же вынырнула обратно. Дерево не тонет. Кузо вспомнил это не головой, а лапами: они держались, держались, держались.

Он отплевался, проморгался. Вокруг было черно. Где-то сзади светились огни галеона — жёлтые, тёплые, прыгающие. Ветер тянул мачту в сторону, течение тоже тянуло, и огни уплывали, как фонарики на ниточке, которую кто-то потихоньку сматывает.

— Барсур! — крикнул Кузо. — Брамс! Пуговка!

Ветер унёс его голос в другую сторону.

Он кричал, пока не охрип. Огни мигнули и пропали. Вокруг осталось только чёрное море, чёрное небо и мачта.

Кузо было так страшно, как никогда в жизни. Страшнее, чем в пещере с песней, в самом первом их путешествии. Страшнее, чем в Полдне, сонном городе из прошлого плавания, где прозрачнела седьмая мачта. Тогда рядом всегда кто-то был. А сейчас никого. Даже звёзд.

Он прижался к мачте и вдруг почувствовал, что его трясёт. Шерсть промокла насквозь и не грела. Лапы немели.

«Вылезай из воды», — сказал внутри него кто-то, похожий на Барсура. Сухо и коротко.

Кузо подтянулся. Это было очень трудно: мокрая шерсть тянула вниз, мачта была скользкая. Он сорвался один раз, второй. На третий раз зацепился когтями за старую зарубку — ту самую, на уровне носа, — и вылез. Лёг на мачту животом, как на бревно, свесив лапы по бокам. Теперь в воде остались только хвост и кончики лап.

Красный шарф размотался и висел, мокрый и тяжёлый. Кузо привязал им себя к мачте, обмотав её дважды и завязав узлом, которому учила Пуговка. «Узел, который держит», — так она его называла.

— Ну вот, — сказал он мачте. Голос дрожал. — Теперь мы вместе.

Мачта не ответила. Только качнулась на волне.

Кузо лежал, обхватив её, и считал. Он сам не знал зачем. Так он делал каждый вечер.

— Раз, — сказал он. — Одна мачта.

Второй не было.

Море было большое и тёмное. Время тянулось медленно, и Кузо не знал, сколько его прошло. Иногда ему казалось, что он засыпает, и лапы сами начинали разжиматься. Тогда в ушах снова звучало: «Держись мачты!» — и он держался. Барсур никогда не кричал зря. Где-то он слышал: в холод спать нельзя. Нужно двигаться: шевелить пальцами, хвостом, ушами. Он шевелил ушами. Было глупо и немного смешно. И помогало.

Потом под мачтой что-то зашуршало. Не вода — лёд. Мелкие льдинки тёрлись о дерево, звенели, как стеклянные бусы. Мачта ткнулась во что-то твёрдое и остановилась.

Кузо поднял голову. Перед ним была белая полоса. Она тянулась влево и вправо, сколько хватало глаз. Берег.

Он развязал шарф непослушными лапами, сполз с мачты на лёд, сделал три шага и упал в снег. Снег был мягкий и, как ни странно, совсем не такой холодный, как море.

Последнее, что он подумал, было: «Я на земле».

А потом стало темно и тихо.

Глава 3. Тишина, в которой слышно сердце

Кто-то дёрнул Кузо за ухо. Не больно, но очень настойчиво. Раз, другой.

— Ещё пять минуточек, — пробормотал кот.

Дёрнули сильнее. Кузо открыл глаза и сел. Рядом никого не было. Только на снегу лежало чёрное перо, длинное и блестящее, а дальше тянулись следы — три тонких пальца вперёд, один назад. Следы обрывались, будто хозяин взлетел.

Кузо вспомнил всё сразу: звёзды, белые зубы, треск, мачту, море. Он вскочил. Шерсть на нём подсохла и смёрзлась сосульками, и сосульки звякнули, как колокольчики.

«Нельзя спать на снегу, — подумал он. — Я же знал. А всё равно уснул».

Кто бы ни дёрнул его за ухо, сделал это вовремя.

Кузо огляделся.

Было темно, но не совсем. Небо очистилось, и звёзды вернулись. Все до одной, крупные и колючие. Кузо нашёл ту, на которую щурился Барсур, и чуть не заплакал от радости, будто встретил знакомого. Снег светился под звёздами слабым голубым светом.

Слева тянулся берег, справа тоже. Позади было замёрзшее море, впереди — снежная равнина и низкие холмы. Ни деревьев, ни домов, ни огней.

А у самой кромки льда лежала мачта. Длинная, тёмная, чуть припорошенная снегом.

— Ты здесь, — сказал ей Кузо.

И тут он заметил тишину.

На корабле никогда не бывает тихо. Скрипят снасти, хлопают паруса, плещет вода, Брамс гремит кастрюлями. Даже ночью корабль дышит. А здесь не было ничего. Кузо сказал «эй» — и «эй» упало в снег прямо у его лап, как камешек в подушку.

Свежий снег глушит звуки: между снежинками много воздуха, и звук в нём застревает. Но Кузо этого не знал. Ему казалось, что мир ушёл и оставил его одного.

В такой тишине он услышал своё сердце. Оно стучало быстро-быстро: тук-тук-тук-тук.

Кузо сел на снег. Ему было страшно. Не так, как на море, когда страшно сразу и всем телом. А по-другому: тихо, тоскливо и надолго. Где Барсур? Где Брамс и Пуговка? Утонул ли галеон? Нет, не может быть. Не может. Он не будет об этом думать.

Он думал об этом.

«Сначала тепло, потом всё остальное», — вдруг вспомнил он. Так Барсур говорил каждый раз, когда кто-нибудь возвращался с вахты мокрым и начинал что-то рассказывать. Сначала тепло. Остальное потом.

Кузо встал.

Тепла нигде не было. Но вдалеке, на пологом холме, что-то торчало из снега. Шесты. Кузо пошёл туда, проваливаясь по брюхо, а потом догадался идти по следам ветра — там, где ветер вылизал снег до твёрдой корки.

Это был чум. Вернее, то, что от него осталось. Шесты стояли конусом, как ножки перевёрнутого стула, а шкуры наполовину сползли и вмёрзли в снег. Внутри было темно и пахло старым дымом. Посредине лежали камни кругом — очаг. На камнях стоял закопчённый медный котелок с дырочками в крышке.

Из дырочек сочился слабый-слабый красный свет.

Кузо снял крышку. На дне котелка, в горстке серой золы, лежал уголёк. Крошечный, с ноготь. Он светился, потом почти гас, потом снова светился — будто дышал.

— Привет, — сказал Кузо, сам не зная зачем.

Уголёк вздрогнул и пыхнул искрой.

— Не трогай, — проскрипел он тонким потрескивающим голосом. — Я гасну. Я тут гасну уже сто лет, и я почти догас, и вот приходит какой-то… какой-то пушистый и всё портит.

— Ты разговариваешь, — сказал Кузо.

— Я дух очага! Конечно, я разговариваю. Я грел целое стойбище, между прочим! Двадцать чумов! Нет, тридцать! — Огонёк мигнул и стал совсем тусклым. — А теперь вот…

— Что тебе нужно?

— Еды, — прошептал Уголёк. — Хоть веточку.

Кузо выбежал из чума и стал рыть снег. Под снегом нашлись веточки — тоненькие, с палец, кривые, но настоящие. Это была карликовая ива: на севере деревья растут не вверх, а вбок, прижимаясь к земле, потому что так теплее. Кузо наломал целую охапку и принёс.

Он положил веточку в котелок. Уголёк зашипел.

— Мокрая! Ты хочешь меня потушить?

Кузо подержал веточки у себя на животе под курточкой, пока снег на них не растаял и они немного не подсохли. Потом положил одну, тонкую, прямо на уголёк. Тот задумался. Покраснел. Веточка задымилась, потом на её кончике выскочил маленький жёлтый язычок.

— Ещё, — сказал Уголёк. Голос у него стал громче.

Кузо подкладывал веточки одну за другой. Огонёк рос. Кузо обрадовался и, чтобы его не задуло, накрыл котелок крышкой.

— Кха! — донеслось изнутри. — Дышать! Мне дышать надо!

Кузо сдёрнул крышку. Огонёк стоял сердитый, весь в дыму.

— Огню нужны три вещи, — сказал он, отдышавшись. — Есть: веточки, мох, что угодно сухое. Дышать: воздух. И жар: чтобы было с чего начать. Убери одно — и всё, нет огня. Запомнил, пушистый?

— Кузо, — сказал Кузо. — Меня зовут Кузо.

— А меня Уголёк. Можешь звать меня «Великий Уголёк, Грелка Тридцати Чумов».

— Можно просто Уголёк?

Огонёк подумал.

— Можно, — согласился он. — Ты же меня кормил.

Скоро в котелке горел настоящий маленький огонь. Кузо сел рядом, вытянул лапы и почувствовал, как в них возвращается жизнь — сначала покалывает, потом щиплет, потом становится тепло. На шесте над очагом висели две вяленые рыбины, сухие, как деревяшки. Кто-то оставил их здесь давным-давно. Кузо съел половину одной, а остальное спрятал в сумку.

Трещали веточки, ворчал Уголёк, и Кузо вдруг заметил, что больше не слышит своего сердца. Тишина никуда не делась, просто отошла к выходу из чума.

В сумке лежал ещё белый камешек Ириски — маленькой сони с Перины. Кот потрогал его. На месте.

Перед сном он вышел из чума. Мачта лежала у берега, тёмная на белом.

— Раз, — сказал Кузо. — Одна.

И вдруг с берега донёсся скрип. Долгий, деревянный. Мачта поскрипывала на морозе, как на корабле в качку.

— Ты с кем разговариваешь? — спросил из котелка Уголёк.

— С мачтой.

— Мачты не разговаривают.

С берега снова скрипнуло. Уголёк помолчал.

— Ну, может, немножко, — сказал он.

Глава 4. Шесть пеньков

А на другом берегу острова, далеко-далеко за ледяным заливом, наступило такое же тёмное утро.

Галеон лежал на льду, накренившись набок, как уставший зверь. Он застрял между белыми зубцами и вмёрз в них. В борту зияла дыра. Мачты сломались почти у самой палубы, и теперь из неё торчали короткие толстые пеньки.

Барсур стоял на льду и считал их.

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Он помолчал и посчитал ещё раз. Шесть. Там, где стояла седьмая, был только пролом с рваными краями.

— Капитан, — тихо сказала Пуговка.

— Я слышу, — сказал Барсур.

Ночью они успели выбраться с корабля и вытащить всё, что смогли. Пуговка спасла свою сумку с инструментами, блокнот, фонарь в чехле и карту Кузо — сорвала её со стены вместе с гвоздём. Бумажная туфля, подарок друга Иля, так и болталась над картой на нитке. Брамс вынес мешок муки, котелок и почему-то пустую банку из-под брусничного варенья.

— Банку вернуть, — сказал он, когда Пуговка на неё посмотрела. — Я обещал.

Барсур вынес компас и судовой журнал — толстую книгу в кожаной обложке, куда много лет записывал каждый день плавания. Компас больше не кружился, но всё равно показывал куда-то не туда.

Никто не говорил про Кузо. Все о нём думали.

Брамс развёл огонь из обломков досок прямо на льду и сварил кашу. Пуговка сидела у огня, смотрела в блокнот и ничего не видела. Барсур стоял спиной к ним и глядел на море — туда, куда унесло мачту.

— Он кот, — сказал Брамс, ни к кому не обращаясь. — Коты падают на четыре лапы.

— В воду не падают на лапы, — шёпотом сказала Пуговка.

— Он держался за мачту. Я видел. А дерево не тонет.

Пуговка кивнула и заплакала. Брамс обнял её своей большой лапой, и она плакала ему в рукав, а он делал вид, что не замечает.

Тут налетела метель.

Она пришла не так, как приходят обычные метели. Не было ветра, не было туч. Просто вдруг поднялся белый вихрь — посреди тишины, прямо из снега, — и закружился вокруг огня. Снежинки летели не вниз, а вверх и вбок. И в этом вихре слышался шёпот, тонкий, как свист в замочной скважине:

«Забудь… забудь… забудь…»

Метель обдула каждого — Барсура, Брамса, Пуговку — и улеглась так же быстро, как поднялась. Снег опал. Придавленный огонь снова выпрямился.

— Что это было? — спросил Брамс.

— Метель, — сказал Барсур. Голос у него был странный.

Он смотрел на небо, где ещё горели звёзды. Смотрел долго, щурился, наклонял голову то вправо, то влево.

— Пуговка, — сказал он наконец. — Где север?

Пуговка подумала, что он шутит. Барсур никогда не спрашивал, где север. Барсур знал, где север, как кот знает, где у него хвост.

— Вон там, — она показала на звезду. — Ты же сам всегда…

— Я не помню, — сказал Барсур. — Я смотрю на небо, а там просто точки. Не помню, по какой звезде правят. Не помню, как держать курс.

— Брамс, — сказала Пуговка дрожащим голосом. — Попробуй кашу.

Барсук зачерпнул ложку, попробовал. Ещё раз. Лицо у него сделалось растерянным, как у малыша, который не нашёл маму в толпе.

— Она никакая, — сказал он. — Не сладкая, не солёная. Никакая. И я не помню, что в неё класть. Соль? Сахар? Гвозди?

— Не гвозди, — сказала Пуговка.

Она полезла в сумку за бечёвкой: Брамсу нужно было привязать котелок, чтобы его не сдуло. Взяла бечёвку в лапки. Повертела. Сложила петлёй. Посмотрела на неё.

Лапки не знали, что делать дальше.

Пуговка, ученица парусного мастера, которая вязала узлы с закрытыми глазами, — сидела над простой верёвкой и не могла завязать ни одного узла. Ни морского, ни прямого, ни бантика.

— Это метель, — прошептала она. — Капитан — звёзды. Брамс — вкус. Я — узлы.

— Повар, который не чувствует вкуса, — сказал Брамс тихо, будто сам себе. — Кому он нужен?

— Капитан без звёзд, — сказал Барсур.

Пуговка ничего не сказала. Она смотрела на верёвку, и по носу у неё катилась слеза.

Барсур постоял. Потом повернулся к ним. И сказал единственное, что, видимо, ещё помнил наверняка:

— Огонь. Вон на том холме, над берегом. Каждую ночь. Чтобы было видно далеко.

— Зачем? — спросил Брамс.

— Для Кузо.

Брамс посмотрел на него.

— Ты думаешь, он жив?

Барсур помолчал.

— Не потому, что верю, — сказал он сухо. — Потому что он увидит. Звёзды забыл. Курс забыл. А его не забыл. Огонь будет гореть.

И они стали таскать на холм обломки досок.

Когда костёр на холме разгорелся, из темноты к нему вышли двое.

Первой шла девочка. Невысокая, лет десяти, в меховой одежде, расшитой бисером. Лицо круглое и серьёзное, а глаза внимательные, как у человека, который всё время что-то слушает. За плечами — большой плоский бубен с рисунками по краю. Рядом с ней, тыкаясь носом ей в рукавицу, шагал оленёнок — пушистый, коричневый, на тонких ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.